

На правах рукописи

БУРАЕВА Татьяна Викторовна

**ЯЗЫК КАЛМЫЦКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК
(на материале «Калмыцких сказок» Г. И. Рамстедта)**

Специальность 10.02.22. – языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(монгольские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Элиста 2006

Работа выполнена на кафедре калмыцкого языка факультета калмыцкой филологии и культуры Калмыцкого государственного университета

Научный руководитель:	доктор филологических наук, профессор Биткеев Петр Цеденович
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, профессор Бурыкин Алексей Алексеевич кандидат филологических наук, доцент Очир-Гаряев Владимир Эльдышевич
Ведущая организация:	Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

Защита диссертации состоится «29» декабря 2006 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета К 212.305.01 в Калмыцком государственном университете по адресу: 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Калмыцкого государственного университета по адресу: 358011, г. Элиста, 5 микрорайон.

Автореферат разослан «28» ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Бадмаев Б. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Среди фольклорных произведений, выражающих народную прозу, особое место принадлежит сказке, которая является своеобразной историей и сокровищницей народной мудрости, а также универсальным средством передачи тех представлений об окружающем мире и самом человеке, которые складывались у людей в каждую историческую эпоху.

Калмыцкие сказки достаточно хорошо изучены в литературоведческом отношении (М.Э.Джимгиров, А.Ш.Кичиков, Н.Ц.Биткеев, Б.Б.Оконов, Е.Э.Хабунова, В.Т.Сарангов, Т.Г. Борджанова, Б.Б.Горяева и др.), но в лингвистическом отношении сказки остаются менее изученным жанром калмыцкого фольклора. Исключением является диссертационное исследование С. С. Бадмаевой «Язык и стиль сказок монгольских народов (на материале лексики)» (2004).

Калмыцкие сказки еще не стали объектом многоуровневого лингвистического исследования, хотя необходимость такого исследования назрела давно.

Изучение языка калмыцких народных сказок позволит исследовать язык в период бытования сказок, особенности употребления в них лексических единиц, фонетических, морфологических и синтаксических категорий, а также определить исходные моменты воздействия фольклора на литературный язык и характер их взаимодействия в разные периоды истории общества. Изучение языка сказок, как и фольклора в целом, способствует более глубокому осмыслению языка произведений крупнейших представителей калмыцкой национальной литературы.

Таким образом, проблема исследования языковых особенностей калмыцких народных сказок является актуальной для современной лингвофольклористики и требует своего разрешения.

Цели и задачи исследования. Целью настоящего исследования является изучение языка калмыцких народных сказок, записанных Г.И.Рамstedтом, в период их бытования в начале прошлого века.

В соответствии с общей целью в работе ставятся следующие задачи:

- исследование лексики калмыцких народных сказок, ее систематизация и классификация по лексико-семантическим группам;
- выявление диалектных особенностей языка калмыцких сказок;
- рассмотрение особенностей употребления морфологических форм и синтаксических конструкций в сравнении с нормами литературного и разговорного языков.

Материалом для исследования послужили калмыцкие народные сказки, записанные финским ученым-алтаистом Г.И.Рамstedтом в начале XX века во время его поездки в Калмыцкую степь и опубликованные им отдельным сборником под названием «Kalmückische märchen» [1909]. В этом сборнике калмыцкие сказки представлены в оригинале (в фонетической транскрипции Г.И.Рамstedта) и в переводе на немецкий язык.

Методы исследования. При проведении исследования применены комплексные методы и приемы анализа, используемые в современном языкознании: описательно-аналитический, семантико-стилистический, сопоставительный и статистический, метод наблюдения и сплошной выборки.

Теоретической и методологической базой исследования явились труды известных фольклористов, лингвистов В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Н. И. Кравцова, Н. К. Дмитриева, Т. А. Бертагаева, Б. Х. Тодаевой, У. У. Очирова, Г. Ц. Пюрбеева, М. Э. Джимгирова и других.

Основные положения, выносимые на защиту:

- в языке исследуемых сказок отразились основные особенности дербетского говора, некоторые из них уже утрачены за столетний период развития языка;
- язык сказок характеризуется близостью к разговорному языку, но имеет более сложную художественно обработанную структуру. Вместе с тем он отличается и от литературного языка;
- лексический состав сказок содержит исконно калмыцкие слова и заимствования из русского, китайского, тибетского, санскритского, персидского, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков;
- по категориально-грамматическому признаку словоформы, содержащиеся в сказках, отражают морфологическую систему языка в период их бытования;

- синтаксис сказок отражает специфические конструкции, иногда резко отличающиеся от норм литературного языка.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые предпринята попытка всесторонне исследовать язык конкретных калмыцких народных сказок на материале «Kalmückische märchen», записанных Г. И. Рамstedтом более века назад.

Научная значимость работы состоит в том, что диссертантом впервые введён в научный оборот ранее не исследованный цикл сказок, записанных Г.И.Рамstedтом. Результаты исследования найдут широкое применение в научных изысканиях при синхронических и диахронических исследованиях по калмыцкому и другим монгольским языкам, а также при изучении особенностей языка различных жанров калмыцкого фольклора.

Практическая значимость работы. Положения, выводы и материалы диссертации могут быть использованы в курсах лекций по устному народному творчеству, грамматике и диалектологии калмыцкого языка, а также при составлении учебников и учебных пособий для общеобразовательных учреждений и вуза.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании кафедры калмыцкого языка КГУ. Основные положения диссертации изложены в докладе на международной научной конференции «Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное» (Элиста, 2006 г.) и в 3-х статьях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, сформулированы цель и задачи, определены предмет и методы исследования, раскрывается его научная новизна и практическая значимость. Сделан краткий экскурс в историю изучения калмыцких сказок.

Первая глава «Лексика калмыцких народных сказок» посвящена изучению лексического своеобразия сказочного жанра.

Язык калмыцких народных сказок отражает основные пласты лексики калмыцкого языка: общенародную, социально и диалектно ограниченную лексику. В сказках доминирует общенародная лексика.

1.1. Употребление диалектной лексики в сказках. Наблюдения показывают, что в языке анализируемых сказок отчётливо выражены основные лексические особенности дербетского говора, поскольку Г.И. Рамстедт записывал сказки исключительно в дербетском этническом ареале, а именно в Малодербетовском улусе Калмыцкой степи.

Из лексических диалектизмов, встречающихся в рассматриваемых сказках, можно отметить следующие: *баав* «отец, папа», *хуһар*, *хугтан* «все», *хэру* «обратно», *саахнда*, *саахнаһа* «недавно», *иргчдэн* «в будущем году», *шармг* «свежее молоко, налитое в *бозо* (молочное блюдо)», *сэсвг* «постное мясо, дохлятина», *кимрдглх* «семенить», *кисх* «падать», *бөрв* «подколенные суставы», *земг* «послед животных», *дахм* «нагрудный карман», *ардаран* «назад», *эсрн* «будущее, предстоящее», *хамаран* «куда», *хама* «где» и т. д.

Лексико-фонетические диалектизмы: *тэж* «козел», *ардахур* «позади», *эврэн//эрвэн* «сам», *улд/йилд* «меч», *хушлх* «ковырять», *өмсн* «зола», *һорвн* «три», *өвл* «зима», *ховци* «одежда», *хомсн* «ноготь», *эрвч* (вместо калм.-лит *эрма*) «жир в брюшной полости», *йомна* «ходит», *темижэ* «устремляясь», *дэжэд* «еще раз», *бүдүн* «толстый», *харһлад* (вм. калм.-лит. *харһнад*) «умирая с голоду», *авна/амна* «берет», *сөв* «совет», *гөвдэд* «избивая».

Диалектный характер имеет и частица санж, которая часто встречается в инициальных формулах (зачинах) калмыцких народных сказок («*Кезэнэ санжэ*, *эмгн өвгн хойр санжэ*»). В сборнике сказок Г. И. Рамстедта встречается только дербетская форма санж (в отличие от торгутской сэнж). «Частица санж (ее сингармонический вариант – сэнж), по мнению Г. Ц. Пюрбева, является сложной: она состоит из причастной формы омертвелого глагола бытия *а-* и формы соединительного деепричастия от того же глагола (*агсан аж* а *санжэ*)» [Пюрбев, 1977]. Из других лексико-фонетических диалектизмов можно отметить: *долх* «производить обмен», *күрклх* (вм. калм.-лит *күркрх*) «рычать (о собаке)», *зан* (вм. *торг. заан*) «слон», *кирү* (вм. *торг. кору*) «иней», *лошх* (вм. *торг. ношх*) «репей», *мади* (вм. *торг. манс*) «мы», *хөв* (вм. *торг. хув*) «часть» и т. д. В современном

литературном калмыцком языке диалектные формы семантически дифференцировались дерб. хув «судьба», а торг. хев «часть».

Лексико-морфологические диалектизмы: *жсоомг* (вм. торг. *жсоодмг*) «пучок волос на макушке», *зам* (вм. торг. *заман*) «кухня», *занын* (вм. торг. *заана*) «слоновий», *эврэн/эрвэн* (вм. торг. *эврсэн*) «сами», *көшег* (вм. торг. *көшке*), «полог», *мирэд* (вм. торг. *мирде*), «талисман», *тайгъ* (вм. торг. *тайгъ*) «трость», *эрег* (вм. торг. *эрге*) «круча, обрыв». В рассматриваемых сказках встречаются следующие падежные варианты: *үкрин//үкрэн* «коровий», *тигсэр//тегсэр* «поэтому», *күүкэн//күүкһэн* «дочку», *түүгэн//түнүгэн* «его», *түлэнһинь//түлһинь* «его топлива», *хааһас//хаанас* «от хана», *делгэн//делгһин* «свои груди».

Наблюдения над синтаксической структурой калмыцкого языка показывают, что на уровне говоров есть небольшие различия, которые касаются синтаксиса словосочетаний. В калмыцких сказках встречаются словосочетания, которые характерны только конкретному говору. Так, например, словосочетание ирсн угалм «ведь не пришел» свойственно дербетскому говору, а для торгутского эта же мысль реализуется иначе: эс ирсн бээнм. То же самое можно сказать в отношении дербетского келдг билэ «сказывает» и его торгутского варианта келдг бээнм с тем же значением. Как установлено монголистами, сказуемое, выраженное формой настоящего времени изъявительного наклонения на *-им*, ведет свое происхождение от древнего суффикса *-нам*. Относительно этого суффикса Г. Д. Санжеев замечает, что суффикс *-нам* зарегистрирован в памятниках монгольского языка ранних периодов [XIII-XIV вв.] [Санжеев, 1963]. Показатель настоящего времени *-им*, как справедливо указывает Г. Ц. Пюрбеев, особенно характерен для торгутского говора и чаще всего выступает при глаголе бытия *бэ* – «быть, находиться»: *Би энд бээнм*. «Я же здесь нахожусь». *Чамд келжсэнм*. «Тебе ведь говорят».

1.2. Заимствования. Известно, что наиболее пронизваемым уровнем языка при контактировании народов является лексика. Заимствования при этом выступают как средство обогащения дистантно и контактно взаимодействующих языков. Русско-калмыцкие языковые контакты имеют длительную историю и представляют собой неотъемлемую часть всего комплекса политических,

экономических и культурных связей русского и калмыцкого народов на протяжении почти четырех столетий.

В этой связи, со всей определенностью можно утверждать, что многие калмыцкие сказки возникли уже в период пребывания калмыков в России, ибо в них отражены реалии чисто российские: *арим* «аршин», *дениг* «копейка, денежка», *безмэн* «безмен (весы)», пара: *нег пар цар* «одна пара волос», *яарм* «ярмарка», *мииг* «мешок», *бадьа* «деревянное ведро». Эти и другие заимствования из русского языка отражают товарно-денежные и социо-культурные отношения в Российской империи тех времен. О глубине проникновения русских лексических элементов в структуру калмыцкой сказки можно судить по названию сказки «Әлксэн Андра» (Алексеев Андрей). Следует отметить, что указанная сказка отнюдь не является переводом на калмыцкий язык некой русской сказки. Русским здесь является только имя главного героя, которое подверглось сингармонизации в калмыцком языке.

Калмыкия по праву считается второй родиной сказок после Индии. Неслучайно в калмыцком сказочном фольклоре встречаются лексические элементы из древнеиндийского языка – санскрита: *агчм* «мгновение, самый короткий промежуток времени», *аршан* «святая вода, нектар», *һәрд* «орел», *хан-һәрд* «царь-птица», *зандн* «санда, сандаловое дерево», *замбтив* «название одного из островов, составляющих вселенную» [Позднеев, 1892], *махмуд* «элемент, тело, материя», *мотр* «рука святых или царственных особ, десница», *Сөмр уул* «название мифической горы Сумеру», *тәрн* «мистические изречения, заклинания», *шев* «послушник буддийского монастыря, ученик» и др.

Известно, что санскритские слова вошли в монгольский язык и письменность, благодаря влиянию Тибета и тибетского буддизма.

В калмыцких сказках тибетизмы давно утратили налет чужеродности и употребляются ныне в лексически освоенном виде. Сказители употребляют их, практически не осознавая как иноязычные. К числу таких лексически освоенных слов относятся: *йиртмжэ* «мир, природа», *бумб* «могильная насыпь, надгробный камень», *бум* «сто тысяч», *баги* «учитель», *замбулин* «средний мир», *шил* «стекло», *лам* «лама», *зул* «лампада», *лу* «дракон», *домб* «кувшин», *сай* «миллион», *дуңшур*

«сто миллионов», *шур* «коралл», *хувлһн* «перерождение», *шаң* «казна; государство», *дарцг* «флажок», *наси* «возраст», *шулм* «черт», *цегг* «войско» и др.

Лексиколог Э.Ч.Бардаев в калмыцком языке выявил приблизительно несколько десятков китаизмов [Бардаев, 1985].

Современными исследователями установлено, что китайский этнический компонент присутствует в родоплеменной структуре отдельных групп калмыков. Так, например, род «хашхнр» включает семь арванов, среди которых значится китлуд «китайцы» [Шараева, 2003]. И в современной калмыцкой антропонимии имеют место имена и фамилии с китайским оттенком: Китидов, а также Безина, Беджинов (от *Беежин* «Пекин»). В калмыцких сказках китаизмы адаптировались согласно законам грамматики калмыцкого языка и их чужеродность почти не ощущается.

Из китаизмов, встречающихся в калмыцких народных сказках, можно указать на следующие: *цэ* «чай» (< кит. ча), *шаазн* «фарфор, пиала из фарфора», *бу* «ружье» (< кит. пао), *тээз* «сцена», *бө* «шаман», *саң* «кладовая», *хо* «прелестный», *шинэц* «признак», *лонх* «глиняный сосуд, бутылка», *даальн* «кожаная переметная сумка», *ялз* «форма, вид», *банз* «доска», *гунз* «трапеzia, угощение» (< кит. гуанз «столовая»), *бишр* «кисточка для письма», *чөөжэ* «замок» (< кит. чо-цза «замок»), *занч* «плащ, накидка» и др.

Вопрос о тюркских заимствованиях в калмыцком языке до сих пор остается наиболее спорным. Наличие большого количества лексических соответствий в монгольских и тюркских языках делает затруднительным их дифференциацию по принадлежности. Из тюркских заимствований в калмыцком языке, в анализируемых сказках наиболее часто встречаются следующие: зэнг «весть, известие»; аллдн «почти, около; как раз в тот момент; перед этим (тем), вблизи (этого, того)»; алн «удивление, изумление»; аю «медведь», кичг «щенок собаки, волчицы, лисы»; терм «решетчатая стена юрты», тагт «мост», альми «яблоко», килг «рубаха, сорочка», кииһс «вкось, наискось», көвцг «седельная подушка», терз «окно, окошко», хала «жесть, жестяной», хадрн «тарань» и др.

Присутствие этих тюркизмов в текстах калмыцких сказок выглядит вполне естественным, и в них нет налета чужеродности.

Контакты между ойратскими и тунгусо-маньчжурскими племенами существовали, как известно, с древнейших времен. По данным историка Г. О. Авляева, ойраты, поселившись в Прибайкалье и в верховьях Енисея в XI-XII – нач. XIII вв., вступили во взаимодействие с тюрко-самодийским населением Прибайкалья. В результате такого взаимодействия в ойратский язык стали проникать тунгусские (самодийские) лексические элементы: өрч «диафрагма», авдр «сундук», кедрһ «скалка», дотр «внутренности», аргаль «самец сайги», будан «суп мучной», шөлн «бульон мясной», жигшх «брезговать», селм «сабля», шүүнч «долото», һавшун «расторопный, проворный», һанз «курительная трубка», һанһч «паять», хальм «слой жира на шкуре животного, мездра», хулдх «продавать», цавдх «окроплять, опрыскивать», цамца «рубашка», цулвр «ременный повод узды». Большинство из перечисленных слов встречается в исследуемых сказках.

Академик Б. Я. Владимирцов считал, что персидские слова, могли попасть в монгольский языковой мир еще во времена Монгольской империи (XIII-XIV вв.) через тюркское посредство, а также тибетскую среду [Владимирцов, 1925].

В калмыцком сказочном фольклоре отмечены следующие персизмы: *арслн* «лев», *бэшич* «дворец», *шатр* «шахматы», *шикр* «сахар», *тоһ* «попугай», *тоһстн* «павлин», *болд* «сталь», *бар* «тигр», *болр* «хрусталь», *сара* «сарай».

По мнению Б. Я. Владимирцова, «монголам очень редко приходилось сталкиваться с арабским миром. Но зато они очень рано, еще до образования империи Чингисхана, находились в сношениях с разными представителями арабской мусульманской культуры, главным образом с выходцами из Туркестана и Персии, занимавшимися торговлей в восточной части Средней Азии» [Владимирцов, 1930].

В цикле сказок Г.И.Рамстедта встречаются такие арабизмы, как *алмс* «ведьма, дьявол», *ханжәл* «кинжал», *эрк* «молочная водка», *савң* «мыло».

1.3 Тематические группы слов. Системное изучение лексики цикла сказок Г.И.Рамстедта обнаруживает наличие следующих лексико-тематических групп: животный и растительный мир, антропонимы, этнонимы, топонимы, мифологизмы, названия оружия и драгоценных металлов.

Из перечисленных групп в калмыцких сказках наиболее широко представлен животный мир, включающий в себя обитателей суши, морских глубин и неба.

Излюбленными персонажами калмыцких сказок являются все пять видов домашнего скота: крупный рогатый скот (коровы, быки, волы), верблюды, лошади, овцы, козы. Причем номинация домашнего скота, как это принято у всех монгольских народов, осуществляется по признакам пола, возраста и масти. В калмыцких сказках указанные признаки тщательно детализируются. Помимо перечисленных видов домашних животных в сказках фигурируют: *haxa* «свинья», *noxa* «собака», *шург ноха* «гончая собака», *хаср ноха* «грозная собака» и др.

Здесь также представлены птицы: *hərd* «орел», *хан hərd* «царь-орел», *тарвэж* «орел белохвостый», *хар тарвэж* «черный орел» и др., обитатели водных пространств: *тул* «кит», *зайсн* «рыба», *хадрн* «тарань» и др.

В лексике калмыцких сказок имеют место и названия насекомых: *шорһлэжн* «муравей», *бөкүн* «комар», *батхн* «муха», *бөөсн* «вошь» и др.

Все остальные тематические группы слов, имеющих место в лексике калмыцких сказок, можно распределить по рубрикам.

Растительный мир: *модн* ««дерево», *хар модн* «дуб», *уласн* «тополь», *удн* «ива», *зандн* «сандал», *аһр зандн* «красный сандал», *хамхул* «перекати-поле», *альмн* «яблоня», *кедмн* «груша» и др.

Драгоценные металлы и деньги: *алтн* «золото», *ик алтн мөңгн* «большая золотая монета (деньги)», *цаһан мөңгн* «серебро», *күрл* «бронза». Кроме драгоценных металлов в сказках отмечены и драгоценные камни: *сүвсн* «жемчуг», *очр* «алмаз», *чолун эрднь* (вместо ожидаемого эрднь чолун) «драгоценный камень».

В калмыцких сказках Г. И. Рамстедта денежный счет имеет свою национальную специфику. Дело в том, что у калмыков издавна существовала собственная система денежного счета, которая применялась на бытовом уровне вплоть до недавнего времени [Очир-Гаряев, 2001]. В рассматриваемых сказках фигурирует денежная сумма далн тавн арслн мөңгн, которая буквально обозначает «семьдесят пять рублей денег». Однако, если придерживаться национальной системы денежного счета, то обозначенная сумма выглядит иначе – двадцать пять рублей. Как видим, «курс валют», говоря по-современному, сильно разнится. Для более полного представления о системе денежного счета у калмыков в диссертации представлена таблица, в которой даны полные эквиваленты наименований русских денежных единиц.

Оружие и доспехи. В арсенал вооружений и воинских доспехов героев калмыцкой сказки входят: *селм* «оружие», *ханжсал* «кинжал», *жид* «копье», *бал* «большой нож», *улд* «сабля, меч», *бу* «ружье» и др.

Этнонимы. Этнический состав героев калмыцких сказок в количественном отношении невелик и включает в себя следующие этнонимы: *орс* «русский», *китд* «китаец», *маңд* «татарин», *шеркиш* «черкес», *хальмг* «калмык».

Лекарственные средства. Из лекарственных средств в сказках отмечены *үүлн цаһан эм* «облачно-белое лекарство» и *хурди цаһан эм* «быстродействующее белое лекарство».

Кузнечное ремесло. О том, что герои калмыцких сказок владеют кузнечным ремеслом, свидетельствуют термины: *көөрг* «кузнечные мехи» и *нүүрс* «уголь». Приведем пример из сказочного текста: *Өвгн тер хамгинь соңсж авад: «Далн терги нүүрс бел кетн! Дөрвн үзгт нүүрс асхад, мани хойриг көөргт орулад, түүмрдх, – гижж келчкэд, өргэдэн орад одв».* «Старик, выслушав все это, говорит: «Приготовьте семьдесят повозок угля! Разбросав уголь по четырем сторонам, нас двоих хотят всунуть в кузнечные мехи и сжечь», – сказав так, вошел в свой чертог».

Для сравнения следует отметить, что в бурятских сказках кузнечная терминология практически не представлена [Цыренов, 2001].

Топонимы. В калмыцких сказках, точно также как и в сказках любого народа, нельзя усмотреть географической определенности. Для топонимии калмыцких сказок наиболее характерными и показательными являются названия: *Хар толһа* «Черный курган», *Ик хар толһа* «Большой черный курган», *Бээрн хар толһа* «Местный черный курган», *Шар хол* «Желтая река» (ср. кит. Хуанхэ «Желтая река»), *Улан хол* «Красная река», *Хар хол* «Черная река». Последние три названия составляют в тексте сказки (№ 11) своеобразную топонимическую триаду: *Хар холын экнд, Шар холын экнд, Улан холын экнд – эн нурвн холын экэр бээрлдмн.* «У истоков Черной реки, у истоков Желтой реки, у истоков Красной реки – у истоков этих трех рек располагались».

Антропонимы. Имя героя волшебной или богатырской сказки становится известным уже в начале сказки, при этом особо оговаривается его социальный и возрастной статус, а также титул главного персонажа: *Шарада баатр* «Богатырь

Шарада», *Улада мергн* «Меткий стрелок Улада», *Һунуха Дөнэкэ хойр* «Трехлетний и Четырехлетний» и др. Встречаются случаи совмещения двух титулов – *баатр* и *мерген*: *Йовһн мергн баатр* «Пеший богатырь – меткий стрелок», *Улажһн мергн баатр* «Богатырь – меткий стрелок – сын Уладжи».

Мифологизмы: *эрлг* «владыка подземного царства, повелитель присподней», *шулм* «черт, бес, дьявол», *мус* «оборотень, чудовище», *араха* «мифическое чудовище, проглатывающее солнце или луну, из-за чего якобы происходит затмение», *лу* «дракон», *бирд* «бес, оборотень», *бирмн* «злой дух, сатана», *мацһс* «сказочное чудовище», *чоткр* «черт, дьявол, бес», *алмс* «чудовище, ведьма», *хурмст* «хурмуста, верховный небожитель», *усн хадын хан* «хан водных хатов», *Һазрин хар курмн* «земное черное чудовище».

В диссертации подробно рассмотрены встречающиеся в сказках звукоподражательные и образные слова, определен их семантический объем, дана и классификация.

Вторая глава «Особенности употребления в языке калмыцких сказок морфологических категорий».

2.1. Формы множественного числа. Из всех формантов множественного числа (-муд / мүд, -уд / үд, -чүд / чүд, -нр, -д, -с) в языке сказок наиболее употребительна аффикс –д. В калмыцком эпосе «Джангар» также преобладает употребление аффикса –д над другими формами [Тогаева, 1976]. В текстах рассматриваемых сказок не встречается ни одного случая подмены аффикса множественного числа –д на –с, которое характерно для торгутского говора: *хөс* вместо *хөд* «овцы», *көвүс* вм. *көвүд* «мальчики», *ямас* вм. *ямад* «козы».

2.2. Падежные показатели. В языке калмыцких народных сказок зафиксировано десять падежей: именительный, родительный, винительный, дательный-местный, орудный, соединительный, совместный, исходный, направительный, предельный. Из всех падежей наибольшей частотностью обладает винительный падеж. В сказках это – наиболее часто употребляемый падеж. В эпосе «Джангар» винительный падеж – также самый употребительный [Тогаева, 1976]. Высокая частотность винительного падежа обусловлена особенностью фольклорного текста, где противодействие героев чему-то или кому-то является основой сюжета. Всякое лицо, предмет или вещь в процессе развития

сюжета становится объектом, который, естественно, в речи оформляется в винительном падеже.

Родительный падеж в сказках употребляется в следующих значениях: родительный принадлежности, отношения части и целого, родительный субъекта (преимущественно в причастных и деепричастных оборотах), родительный времени, родительный места (в сочетании с послелогом места). Родительный меры наиболее употребителен в сказках для обозначения расстояния и времени, которое затрачивается для преодоления этого расстояния: долан хонга һазрт «на расстоянии семи суток», һурвн дууна һазрт «на расстоянии трех верст» и т. д.

Дательно-местный падеж не имеет диалектных различий и образуется при помощи аффиксов -д, -т: өвгнд «старик», эмгнд «старухе», Шарада баатрт «Богатырю Шараде» и т. п.

Широко представлен в калмыцких сказках совместный падеж. Достаточно указать на названия сказок: «Кер һалзн хуцта Кеедә гидг өвгн» (Старик Кеода с гнедым лысым бараном), «Ашнь алг мөртә Амн Цаһан» (Аман Цаган с пегим конем), «Эр кууһн хойр таката эмгн өвгн хойр» (Старик и старуха с петухом и курицей).

Исходный падеж в калмыцком языке образуется при помощи аффикса -ас (-әс), который, указывая на исходную (отправную) точку движения, обозначает также время, материал, из которого сделан предмет, соответствует предлогам русского языка из, с, от, за и другие. В исследуемых сказках наиболее употребителен мягкорядный вариант аффикса -әс, свойственный дербетскому говору. Причина такой избирательности кроется в диалектных особенностях речи сказителя (туульчи). Известно, что Г. И. Рамстедт записывал сказки в ареале дербетского говора.

Направительный падеж редко встречается в калмыцких сказках. Он образуется при помощи аффикса -ур (-үр), например, мөрн «лошадь» – мөрнүр «к лошади», арслң «лев» – арслңур «ко льву», һол «река» – һолур «к реке».

Известно, что в старописьменном монгольском языке не было формы направительного падежа, которая является результатом позднейшего образования и свойственна большей частью разговорным монгольским языкам, в частности –

калмыцкому. В связи с этим весьма показательно, что направительный падеж отсутствует и в одном из говоров калмыцкого языка – в торгутском.

Как отмечает Н. Н. Убушаев, формант направительного падежа *-ур (-үр)* является особенностью дербетского и бузавского говоров. В дербетском говоре это очень активный и широко распространенный аффикс. Он часто используется в значении дательного падежа, например, буз., дерб. *герүр* «к дому» – *герүр орх* «войти в дом», *школур* «к школе» – *школур орх* «войти в школу» в м. лит. *герт орх*, *школд орх*.

Предельный падеж образуется с помощью аффикса *-ца (-цэ)*, который присоединяется к основам, обозначающим, главным образом, части тела человека, изредка животных и предметов. Этот падеж указывает на уровень или предел по вертикали, например, *күзүцэ* «по шею», *өвдгүцэ* «по колено», *шилвүцэ* «по голень».

В тексте калмыцких сказок дополнения в предельном падеже обозначают не только уровень воды, снега относительно частей тела человека, но и масштаб пира, свадьбы. Например: *Боса күүнэ бөрвүцэ, сууһа күүнэ сууца хурм-гиич кеһэд, нэр-наад кеһэд, Шарада баатр амрад, жирһэд бээв*. «Закатив свадьбу, пир-гулянье на уровне сгиба колен стоящего человека и на уровне седалища сидящего человека, Шарада богатырь зажил счастливо». Другой пример иллюстрирует насколько незначительно количество выпавшего снега, уровень которого достигает лишь до когтей мыши: *Өрүнднь серэд, босад һархла, хулһини хумсца цасн орад бээж*. «Когда проснувшись, встал и вышел – выпал снег до уровня когтей мыши».

В отношении предельного падежа нет единого мнения среди калмыковедов. Он был включен в систему падежей В.Л.Котвичем [Котвич, 1915], не включен – Г.И.Рамstedтом [1935]. В современных грамматиках и школьных учебниках калмыцкого языка предельный падеж отсутствует в системе падежей имен существительных.

2.3. Имя прилагательное. В сказках имена прилагательные выполняют свою традиционную синтаксическую функцию определения. Крайне редко они употребляются в позиции предиката, входя изредка в состав сложного именного сказуемого.

Имена прилагательные в сказках употребляются также в субстантивной функции: *цэцн* «мудрец», *угатя* «бедняк», *мергн* «меткий стрелок».

2.4. Наречия. В исследуемых сказках заметны диалектные различия в употреблении наречий. В тексте сказок превалируют наречия, характерные дербетскому говору калмыцкого языка: *деегур* «поверху», *ардахур* «задами», *холохур* «подальше», *хама* «где», *хааран* «куда» и др.

2.5. Имя числительное. В текстах сказок встречаются следующие разряды числительных: количественные, порядковые, собирательные, разделительные и возрастные.

Наиболее употребительны количественные числительные до 10, десятки, сотни, а также числительные – 49, 69, 70 и все числительные до 100, кратные пяти. Реже употребляются числительные *түмн* «десять тысяч», *бум* «сто тысяч», *сай* «миллион». Несмотря на склонность рассказчиков (*туульчи*) к чрезмерной гиперболизации, в тексте сказок отсутствуют числительные крупного порядка: *жува* «десять миллионов», *дуңшур* «сто миллионов», *тербум* «миллиард». Однако это не означает, что крупные арифметические числа не свойственны сказочному повествованию. Нередко числительные *жува*, *дуңшур* заменяются соответствующими описательными выражениями: *жува* – *миңһн түмн* «десять миллионов», *дуңшур* – *сай түмн* «сто миллионов». Например, в сказке «Ах-дү хурвн» (Три брата) можно найти подтверждение сказанному: *Адунь болхла – нарни көл бүтэси миңһн түмн, сарин көл дорахур гүүдг сай түмн бээж*. «Табун же его – заполнившие мир под солнцем десять миллионов скакунов, скачущие в подлунном мире сто миллионов».

2.6. Местоимения. В калмыцких сказках зафиксированы следующие разряды местоимений: личные, вопросительные, указательные, возвратные, определительные, неопределенные. В целом в сказках, опубликованных Г. И. Рамstedтом, представлена полная парадигма склонения личных, указательных и возвратных местоимений, а в других разрядах местоимений парадигма склонений – неполная. При этом проявляется большое разнообразие диалектных форм: *Тигхлэ ман хойр алтн, мөңгн, миңһн адун, хөн йир керг уга*. «Тогда для нас двоих золото, деньги, тысячный табун, овцы совершенно не нужны». Здесь представлена форма личного местоимения 1-го лица *ма(н)* «мы», чаще наблюдаемая в

дербетском говоре. Для этого же говора характерно употребление местоимений 1-го лица множественного числа *мадн* «мы» и *маанр* с тем же значением.

Характерной особенностью языка калмыцких сказок является то, что к местоименной основе *нам-* может присоединяться словообразовательный аффикс *-шиц*: *Намицц шигэд ид,- гив*. «Кушай как я – сказал» («Чон, арат, туула хурвин»). Другой особенностью является употребление местоимения *бид* «мы», вместо привычного *бидн* с тем же значением. Например: *Бид хойр ах-дү хойр билэвидн*. «Мы вдвоем были братьями». В этом примере местоимение *бид* «мы» по форме ближе к современному монгольскому языку, нежели к собственно калмыцкому *бидн* с тем же значением. По этому поводу Н. С. Яхонтова отмечает, что «в ойратских текстах местоимение «мы» в форме именительного падежа может выступать в двух основах *bida* и *bidan*, в употреблении которых не наблюдается никакой закономерности» [Яхонтова, 1996].

2.7. Глагол. Сказочные тексты очень насыщены глаголами. Доля глаголов особенно высока в тех сказках, где наличествуют многочисленные причастные и деепричастные обороты, составные глагольные сказуемые, состоящие из близких по смыслу причастий и деепричастий.

В сказках наиболее часто употребляется форма прошедшего времени на *-в*, которая даже в прозаическом тексте, многократно употребляясь, играет ритмо- и рифмообразующую роль.

Ни одно сказочное повествование не обходится без вспомогательных глаголов. По своим функциям и значениям вспомогательные глаголы неодинаковы. Часть из них чаще всего передает разнообразные аспектуальные (видовые) характеристики действия, например: темп, интенсивность, степень результативности, фазисность (то есть начало, продолжение, конец). Другие вспомогательные глаголы призваны сообщить разнообразные модальные оттенки, диапазон которых весьма широк. Так, видовые значения передаются в основном такими служебными глаголами, как *һарх* «выходить», *ирх* «приходить», *орх* «входить», *авх* «брать, принимать», *йовх* «идти», *суух* «сидеть», *кевтх* «лежать», *одх* «пойти», *оркх* «положить, оставить», *хайх* «бросать», *алдх* «упускать; терять, лишаться» и т. д.

В сказках имеют место глаголы, которые в современном языке не употребляются. Так, в сказке «Ах-дү нурви» (Три брата) встречается необычный для сегодняшнего восприятия глагол *шөллнэ* «поит бульоном» (букв. бульонит): *Өвгиг алад, хааг шөллнэ. Хан өвгнэ махар шөллчкэд, үкжэ одна.* «Убив старика, (он) поит бульоном хаана. Хан, отведав бульон из мяса старика, умирает». С точки зрения норм словообразования здесь нарушений нет: *шөллн* «бульон» > *шөллх* «пить бульон, угощаться бульоном». Однако другие слова из этого «пищевого» ряда: *махн* «мясо», *дотр* «внутренности животного», *цэ* «чай» почему-то не образуют глагольных форм типа *шөллх* «угощаться бульоном». Вместе с тем в местной русской разговорной речи жителей Калмыкии давно стали привычными глаголы: *махановать* «есть мясо», *дотуровать* «есть дотур». По-видимому, эти неологизмы возникли по аналогии с русскими словоформами: чайковать, квасовать (квасить) и т. д.

2.8. Причастие. В сказках, причастия и причастные обороты не многочисленны и их рифмо- и ритмообразующая роль менее выражена. Вместе с тем, причастия на *-гси* (арханская форма), *-си*, *-дг* при многократном употреблении задают тексту сказки определенный ритмический колорит, что позволяет читателям и слушателям воспринимать отдельные фрагменты народных сказок, как стихотворения в прозе. Наиболее показателен в этом отношении текст калмыцкой сказки «Шарада Баатр»: *Һуни бухин арсар һоллгси, дөни бухин арсар гүрүлгси, залу күүһәр шахулгси* *маляһари арвад һар дарлдад авб* «Со стержнем из кожи трехлетнего быка и сплетенной из кожи четырехлетнего быка, мужчиной спрессованной плеткой свыше десяти раз ударил».

2.9. Деепричастия. В калмыцких сказках деепричастные формы – самые распространенные из глагольных форм. Высокая частотность употребления, исключительное разнообразие форм значений и синтаксических функций ставят деепричастия на первое место среди других глагольных форм.

В сказках деепричастия в основном выступают в роли опорных слов деепричастных оборотов. В остальные случаи они входят в состав сложного глагольного сказуемого. Наиболее употребительны в сказках разделительные, соединительные и слитные деепричастия.

2.10. Послелог. В сказках послелог выражают следующие грамматические отношения:

а) пространственные со значениями места действия и направления действия: *герин хаза* «возле дома», *хаалхин хажуд* «у дороги», *модн загас* «из-за деревьев» и т. д. Этот вид отношений является самым продуктивным в калмыцких сказках;

б) временные отношения: *сар шаху* «около месяца», *цаг зуур* «временно», *олн жил өмн* «много лет назад» и т. д.;

в) комитативные отношения: *ахтаһан хамдан* «вместе с братом»;

г) компаративные отношения: *шовунла эдл* «похожая на птицу», *чонла эдл ноха* «похожая на волка собака», *цасн мет цаһан* «белый как снег» и т. д.;

д) целевые отношения: *хаана күүк авхин төлэ* «чтобы заполучить дочь хана»;

е) отношения заместительства: *көвүнэ ормд* «вместо сына»;

ж) послелог, выражающие отношения приблизительной меры, также активно участвуют в образовании сравнений в сказках: *хөн чиңгэ чолун* «камень величиной с овцу», *хад чиңгэ баатр* «богатырь величиной со скалу».

Значение приблизительности выражается также определением, состоящим из количественного числительного и послелогов *һар* «более, свыше», *шаху* «около, почти», например: *зун шаху күн* «около ста человек», *миһн һар хөн* «свыше тысячи овец» и т. д. В качестве послелога при количественно-возрастном числительном выступает и слово *эргн* «около»: *дөчн эргн насн* «возраст около сорока лет». *Дөчн эргн нас күрэд, дөрвн үзгин дээс дарм сән залу болхмч.* «Достигнув, примерно, сорока лет, ты станешь добрым молодцем, способным уничтожить врагов четырех сторон».

2.11. Частицы. Эти служебные слова придают дополнительные смысловые и модальные значения словам, словосочетаниям, предложениям и часто употребляются в текстах сказок. В исследуемых нами сказках зафиксированы следующие разряды частиц: вопросительные (*-йу?*, *-йү?*, *-чи?*, *-би?*, *-та?*, *-тэ?*), утвердительные (*-вден*, *-вдын*) и отрицательные (*уга (-го)*, *биш*, *-ш*, *эс*, *бичэ*, *-шго*).

2.12. Междометия. В контексте сказок междометия имеют устойчивые значения и могут выражать конкретные чувства и переживания: сожаление, досаду,

удивление, испуг, гнев, иронию, физическую боль, страдание, скорбь, усталость [Очир-Гаряев, 1982.].

Третья глава « Синтаксическая структура калмыцких народных сказок». Язык сказок стремится к краткости, поэтому опытный рассказчик, памятуя о том, что его речь обращена непосредственно к слушателю, как правило, избегает громоздких синтаксических конструкций, осложненных вводными словами и словосочетаниями, а также вставными элементами. Поэтому подавляющее большинство народных сказок лаконично по содержанию и имеет небольшой объем.

Калмыцкие сказки до сих пор сохраняют в себе черты как литературного языка, так и народно-разговорной речи. Более того, народные сказки в своих лучших образцах вполне соответствуют канонам литературного языка. Вместе с тем нельзя ставить знак равенства между языком сказки и литературным языком. На это обращал внимание известный монголовед А. М. Позднеев, который писал: «Народный язык калмыков, являющийся в их национальных произведениях, представляется совершенно иным, чем язык калмыцкой литературы. Строеие и обороты речи являются здесь (в народном языке) более свободными, попадает много новых грамматических форм и комбинаций, встречаются слова, никогда не употреблявшиеся в языке литературном». В связи с этим ученый предупреждал: «Исследователю калмыцких народных сказок нужно быть крайне осторожным, чтобы не объединить в своих толкованиях форм языка, в действительности совершенно различных, правильно понять оборот речи и не смешать слов, подчас весьма созвучных и являющихся у безграмотного писца в одних и тех же формах, но совершенно различных по значению» [Позднеев, 1900].

Также нельзя ставить знак равенства между языком сказки и разговорной речью, несмотря на их очевидную близость и генетическое родство.

Таким образом, синтаксис сказок при наличии большого числа особенностей, характерных для разговорной речи, многими своими чертами сближается с синтаксисом литературного языка. Вместе с тем синтаксис сказочного произведения, при несомненном сходстве с устной разговорной речью, в большей мере организован, обработан и более сложен по структуре.

В сказочном жанре фольклора речь обращена непосредственно к слушателю. Поэтому, естественно, в целях эмоционально-художественного воздействия на слушателя, рассказчик использует специальные синтаксические конструкции, выражающие экспрессивный акт сообщения.

В языке сказочного фольклора такими специальными синтаксическими конструкциями являются инверсии, которые с точки зрения ортодоксальной лингвистики и норм литературного языка, могут быть отнесены к разряду оплошностей. Например, в рассматриваемых нами сказках, синтаксические инверсии совсем не редки: *Хаалһар һарад йовна көвүн* «букв. Дорогой пошел мальчик», вместо нормативного *«Көвүн хаалһар һарад йовна»*. *Өрүндь босна цуһар* «букв. Наутро встали все», вместо ожидаемого: *«Өрүндь цуһар босна»*. *Һурвн көвүн күрэд ирв, заһсан авсн.* «букв. Три мальчика возвратились, взяв рыбу», вместо правильного *«Һурвн көвүн, заһсан авсн, күрэд ирв»*.

Говоря об особенностях порядка слов, автор «Опыта грамматики калмыцкого разговорного языка» В. Л. Котвич, отмечает, что подлежащее и дополнение в разговорной речи иногда оказываются в постпозиции к сказуемому. Причем это явление, по словам ученого, «вызывается желанием говорящего, который забыл указать действующее лицо на своем месте, восполнить этот пробел уже по окончании фразы, – на это указывает небольшая пауза, которая обычно следует в таких случаях между сказуемым и подлежащим, сказуемым и дополнением» [Котвич, 1929]. По наблюдениям В. Н. Мушаева, «подобные случаи нарушения фиксированного порядка слов все чаще встречаются в произведениях современных калмыцких писателей» [Мушаев, 1990].

Национальное своеобразие калмыцких сказок и их особый колорит наиболее ярко проявляются в специфике художественно-выразительных языковых средств, основным из которых являются традиционные формулы. В работе подробно рассмотрены инициальные, финальные и медиальные формулы. Интересные наблюдения сделаны относительно функционирования финальных формул. Установлено, что в некоторых сказках встречаются две финальные формулы: одна в середине, другая в конце. Так, например, в контексте сказки «Товгн өвгн» (Старик Товгон) помимо конечной формулы: *Хаана көвүн куукәр хатан кезж авад, амсн-умсн жирһв.* «Сын хана, женившись на девушке, зажил в достатке и

благополучия», имеется промежуточная: *Цаһан кишгэн шалвртаһинь хаанд өмскэд, хурм-гиич болад, амрад, эсирһэд бээв*. «Одев хана в белую рубашку и штаны, сыграли свадьбу и зажили счастливо».

Наличие двух финальных формул в контексте одной сказки объясняется тем, что одна из сюжетных линий логически завершилась к середине сказочного повествования, другая линия – в конце.

В заключении изложены основные выводы и положения, полученные в результате исследования языка «Калмыцких сказок» Г.И.Рамstedта.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Бураева Т.В. Сказочный жанр калмыцкого фольклора, история изучения / Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное. Материалы международной научной конференции. Элиста, 2006. С. 194-198.

2. Бураева Т.В. К исследованию языка калмыцких сказок Г. И. Рамstedта // Этнокультурная концептология. Межвузовский сборник научных трудов. Элиста, 2006. С. 282-283.

3. Бураева Т.В. Лексические особенности языка калмыцких сказок // Научная мысль Кавказа. Научный и общественно-теоретический журнал. Приложение. № 13. Ростов-на-Дону, 2006.

Подписано к печати 15.11.2006г.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 1,00
Гарнитура «Таймс». Формат 60х84/16.
Заказ №20. Тираж 100 экз.

Издательство Калмыцкого института
социально-экономических и правовых исследований.
358005, г.Элиста, ул.Хомутникова, 111. Тел. 2-28-54.